

УДК 801.8+801.82+801.83

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Г.А. Николаев

Аннотация

В статье обосновывается идея создания нового раздела лингвистического знания – лингвистического источниковедения. Особое внимание уделяется источниковедению исследований по современному русскому языку. Выражаются сомнения в возможности использования без особых оговорок в качестве языковых иллюстраций фрагментов из художественных текстов. Дается типология письменных источников по истории русского языка на основании их жанрово-стилистических особенностей и места написания памятника. Рассматривается значение письменных памятников Древнего Новгорода для истории русского языка.

Ключевые слова: лингвистика, история языка, современный язык, источники.

Лингвистическое источниковедение – это пока еще не существующий раздел языковедческой науки, призванный научно интерпретировать феномен лингвистического источника, дать его типологию и показать его роль в научном исследовании языка. *Лингвистическим источником* является любой материальный носитель языковой информации. Он может существовать в звуковой или письменной форме. В учебном аспекте источники рассматриваются только в курсе истории русского языка. К ним относят современный русский язык, современные говоры, ономастику (особенно топонимику) и, конечно, письменные памятники во всех их разновидностях.

Вопрос об источниках современного русского языка специально не ставился. Как правило, в качестве источников исследования той или иной современной языковой проблемы привлекаются текстовые примеры из художественной литературы. В разделе источников обычно дается список авторов, из произведений которых приводятся иллюстрации. В большей степени это характерно для синтаксических работ: действительно, откуда брать убедительные и красивые примеры по синтаксису, как не из произведений мастеров художественного слова?! Особенно это касается тем, связанных с освещением причастий и деепричастий в русском языке.

Дело в том, что в истории русского языка эти глагольные формы сильно славянизировались, а потому стали достоянием литературного языка. Они не используются даже в литературном разговорном языке. Обычно причастные и деепричастные формы (и особенно обороты) заменяются глаголами, причастными предложениями. Исконные русские причастия настоящего времени

стали (если сохранились) прилагательными, а формы со старославянской огласовкой дошли до нас как причастия: *могучий – могущий, сидячий – сидящий* и др. Поэтому нет ничего необычного в том, что языковые иллюстрации при описании этих форм берутся из письменного языка. Ср. пример из произведения М. Горького, который использует А.Н. Гвоздев в учебнике по современному русскому языку: *Неизъяснимо хорошо плыть по Волге осенней ночью, сидя на корме баржи, у руля.*

Если посмотреть, на какие отрывки из художественных произведений ссылаются авторы научных работ (тот же А.Н. Гвоздев), то окажется, что это все – авторские индивидуальные формы. Так, в разделе «Классы глаголов» А.Н. Гвоздев особенно много приводит таких индивидуальных форм, иногда подчеркивая их индивидуальность: *Буду **серьезничать** только по большим праздникам* (А.П. Чехов); *...человек **земленел** от удушья* (К. Федин); *...когда в молодости они **ямщикovali**, то ничего не боялись* (А.П. Чехов) и т. п. [1, с. 355].

Современные академические грамматики русского языка, стремясь давать более нейтральный языковой материал в качестве иллюстраций, стараются реже опираться на примеры из художественной литературы.

Наши словари в части языковых иллюстраций тоже базируются на примерах из произведений русских писателей. Но иллюстрируют этими примерами в основном отклонения от обычного языкового употребления слова. Таким образом, словари больше являются словарями художественного употребления слов, чем словарями современного русского языка. Некорректность здесь заключается в том, что язык художественного произведения глубоко индивидуален (даже если в нем нет перечисленных выше форм и единиц), он имеет свою организацию, отличающую его от обиходного (профанного) языка. Все слова, формы и сочетания слов в нем четко продуманы, выверены и приспособлены одно к другому. При этом не отдельные какие-то слова, а все слова художественного текста.

В художественном произведении автор часто использует слова и формы в необычных значениях (или оттенках значений), в необычных сочетаниях. Эти новшества авторского стиля не противоречат языковому мышлению народа, напротив, они обогащают язык. Но, тем не менее, они не являются общеязыковыми формами и словами. Они средства (как сейчас принято говорить) идиолекта писателя. Нужно запомнить, что каждый писатель и поэт не выдумывает ничего сверхнеобычного – **он реализует в своем языке возможности, заложенные в языковой системе.** Поэтому мы можем использовать отдельные иллюстрации из художественных произведений, но с оговорками.

Во второй половине XX столетия Институт русского языка АН СССР нашел хороший источник изучения современного русского языка. Ученые Института составляли вопросники по фонетике, лексике, морфологии и синтаксису и рассылали их по городам и весям. Особенно они ценили ответы на вопросы неспециалистов, то есть не филологов. На основании полученных ответов сотрудники Института выпустили по меньшей мере две книги: «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник» под ред. К.С. Горбачевича (1973) и «Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» Л.К. Граудиной, В.А. Ицковича и Л.П. Катлинской (1976).

Приведем один пример из этих вопросников. Так, задается вопрос: «Как вы говорите: *увидев* или *увидя*, *заметив* – *заметя*, *нахмутив* – *нахмуря* и т. п.?» И получивший вопросник отвечал. Потом ответы суммировались и выводились проценты. Предложенные формы народ оценил следующим образом: 237 – *увидев*, 20 – *увидя* (92.22% и 7.78% соответственно).

Материалы всех вопросников по грамматике и словоупотреблению проанализированы в книге «Лингвистические источники: Фонды Института русского языка» [2].

Проведение подобных опросов – очень прогрессивная форма получения языковой информации и очень важный источник современного языка. Эти данные можно использовать и историкам языка.

В отношении современного языка трудно говорить о едином словообразовании, словоизменении и словоупотреблении. В языке действует не менее пяти функциональных стилей, и каждый из них имеет свои языковые средства. Если кто-то исследует язык рекламы, он не может встретить там формы оценивать как формы современного русского языка (в смысле общеязыковых). Это будут формы языка рекламы (*сникерсни*). Нельзя иллюстрировать без оговорок современные системно-языковые показания показаниями жанрово ограниченной сферы.

Особенно осторожными следует быть при использовании примеров из поэтического языка. Поэтический текст составляет объект прежде всего специального комплексного исследования именно данного поэтического текста. Отдельные примеры могут иллюстрировать и исследования по общему языку, но обязательно с комментариями о реализации возможностей, заложенных в системе языка. В то же время нередко без необходимых оговорок поэтическими контекстами иллюстрируются те или иные положения в исследованиях по современному русскому языку.

Итак, необходимой и актуальной является разработка лингвистических источников современного русского языка.

Специфическим языковым источником является детская речь. Она служит источником для многих отраслей лингвистики, и в первую очередь для общего языкознания, занимающегося языком как феноменом человеческой сущности.

Детская речь дает богатейший материал для психолингвистики, для получения новых фактов при решении вопроса о связи языка и мышления. Эта связь в детской речи находится на поверхности: ребенок познает мир, развивается его мышление, развивается и его язык – очень ярко представлен здесь когнитивный аспект детской речи. Учитывая, что ребенок, появившийся на свет «без языка», за пять лет свободно овладевает им, можно вернуться к обсуждению проблемы прирожденной способности человека к языку.

В детской речи мы находим рудименты языковых явлений: семантический синкретизм, недифференцированность языковых единиц, звукоподражание, слабая фонетическая база, использование принципа артикуляционного удобства при овладении новыми словами, отсутствие полисемии, активное применение языковых моделей при отсутствии языковой нормы и т. п.

Детская речь, как видим, действительно является источником языкового материала для многих серьезных лингвистических дисциплин.

Как было отмечено, источниковедение в лингвистике лучше всего разработано применительно к истории языка. Институт русского языка во второй половине прошлого века выпускал серию исследований по лингвистическому источниковедению. Все они были посвящены описанию конкретных рукописных памятников (см. [2–5] и др.).

В.М. Марков в своих лекциях (к сожалению, не опубликованных) все письменные памятники истории русского языка, учитывая их содержательную сторону, а также жанрово-стилистические характеристики, разделил на четыре группы: 1) церковнокнижные, 2) деловые, 3) летописи, 4) художественные произведения. Однако древнерусские письменные источники можно типологизировать и по месту их создания. В этом отношении особую роль в историческом изучении русского языка сыграли письменные памятники Древнего Новгорода.

Новгородские письменные памятники, известные по крайней мере с конца X – начала XI в., представляют значительную ценность для науки об истории русского языка. В их число входит древнейшая русская книга Путятина Минея, Пантелеймоново Евангелие, новгородские берестяные грамоты, самые ранние из которых написаны на рубеже X – XI вв., древнейшие списки русской летописи и Русской Правды и др.

Эти памятники имеют двоякое значение: 1) как источники для истории новгородского диалекта и 2) как письменные свидетельства общерусских языковых процессов.

В последнем аспекте именно язык Путятиной Минеи и древнейших берестяных грамот позволил выдвинуть гипотезу о причинах падения редуцированных гласных в русском языке, о причинах и характере развития второго полногласия одновременно и параллельно первому полногласию и др. [6]. Данные киевских источников были для этого времени уже не показательны, так как процесс падения глухих на юге прошел раньше.

Бесценными для решения многих вопросов истории русского языка являются показания новгородских грамот на бересте, поскольку они дают нам более или менее однородный языковой материал на протяжении шести веков непрерывной письменной традиции (XI – XVI вв.). В этом с ними могут сравниться только разновременные списки Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов.

Изучение показаний разновременных памятников идентичного содержания является одним из приоритетных направлений исследований по истории языка в Казанском университете. Сопоставление языка разновременных списков Новгородской первой летописи (Синодального и Комиссионного) позволяет видеть в условиях конкретного (но разностильного) контекста развитие языковых процессов. Характер этого развития весьма противоречив [7], и одной из причин такой противоречивости является столкновение двух тенденций в литературном языке XIV – XVI вв.: с одной стороны, естественного развития русского языка, а с другой – славянизации письменной речи, которая, хотя и в меньшей степени, чем в Москве, коснулась и новгородских памятников. Применительно к разновременным спискам Новгородской летописи следует говорить и об отражении в них столкновения общерусских и местных диалектных процессов.

Языковые замены дают нам определенную картину огласовки редуцированных и связанных с ней ассимилятивных и диссимилятивных процессов, разрушения старых именных парадигм и становления новой системы склонения, замены беспредложного управления на предложное и т. п. Менее всего имеется примеров языковых замен в области лексики и словообразования.

Показания древненовгородских письменных памятников, подкрепленные диалектным языковым материалом, позволяют историкам русского языка более объективно представить картину отвердения шипящих согласных и *ц*, проникновение флексий *-ам*, *-ами*, *-ах* в парадигму имен существительных мужского рода множественного числа, раскрыть «загадку» русского суффикса *-чик* (*-чик*), так редко встречающегося в памятниках Древнего Новгорода [8, с. 81]. В свою очередь именно общерусские языковые тенденции позволили правильно интерпретировать словообразовательную специфику древненовгородского слова **почьта** ‘почесть’ как родовую параллель к образованию нулевой суффиксации **почьтъ** [9].

Высокая письменная культура Древнего Новгорода способствовала становлению и укреплению московской письменности. Известно, какое влияние оказали кормчие софийской редакции (старейшая из них – Новгородская кормчая конца XIII в.) на состав мерил праведных, юридических сборников русского Низовья. Влияние Новгородской кормчей на Мерило Праведное (Троицкий список середины XIV в.) выразилось в следующем: 1) наличие русских (и прежде всего новгородских) статей в их составе; 2) полное совпадение перевода и текстовой последовательности канонических правил в отличие от правил Рязанской кормчей 1284 г.; 3) одинаковое текстовое построение законов византийского императора Юстиниана, помещенных в Новгородской кормчей и Мериле Праведном и объединяющих в себе переводы двух списков (докирилловской и кирилловской редакций), включая идентичные разночтения и даже явные языковые ошибки. Особую близость обнаруживают Синодальный (Новгородская кормчая) и Троицкий (Мерило Праведное) списки Русской Правды пространной редакции. Это свидетельствует о том, что в основе Новгородской Кормчей и Мерила Праведного лежал общий протограф, что важно для уточнения времени и места создания в первую очередь именно юридического сборника Мерило Праведное.

В нашу задачу входит сопоставление отдельных глав Мерила Праведного (Троицкий список XIV в.) и Новгородской кормчей 1282 года с целью выявления текстовых связей обоих памятников и источников текстовых совпадений.

Ученые, исследовавшие древнерусское каноническое право, установили, что Мерило Праведное составлено «из готового славянского материала, взятого из Кормчей *софийской* редакции» [10, с. 16], древнейшим дошедшим до нас списком которой является Новгородская кормчая 1282 года. Аргументом такого утверждения было то, что в тексте сборника имеются новгородские юридические статьи. Так, 11-я глава второй части Мерила завершается статьей: **ільн п(с)па новгор(д)ск(г)о пра(в) .ві. Ѧ кже пьанъ мѹжь. пвпъхнѹ ли вѡхѹ. запенше ногою. и оумреть. пвалъ дшегоубьства ксть** (110 об). По языку и содержанию правило Ильи напоминает нам статью из Русской Правды.

Этот аргумент, выдвигавшийся правоведами, можно дополнить фактами, делающими выраженную ими мысль более достоверной. Мерило Праведное, как и кормчие софийского разряда, создано на основе двух видов кормчих, бытовавших на Руси: кормчей докирилловской редакции (единственным сохранившимся примером является Ефремовская кормчая XII века) и кирилловских кормчих XIII века, переписанных с сербского оригинала. Самым ранним списком из известных нам кормчих этого разряда является Рязанская кормчая 1284 года.

Подтверждением отмеченного служит то, что в Мериле Праведном, как и в софийских кормчих, одни законы текстуально совпадают с законами Ефремовской кормчей, другие – с законами Рязанской кормчей. Так, все помещенные в Мериле Праведном канонические правила (апостольские, соборные, правила Василия Великого) точно совпадают с соответствующими правилами Новгородской кормчей. Эти совпадения касаются прежде всего характера перевода правил. Большинство правил дано здесь и там в полном переводе и совпадает с переводом правил в Ефремовской кормчей: апостольские – 18, 34, 41 и др.; правила 6-го Вселенского собора – 25, 36, 72, 91, 94 и многие другие; правила Василия Великого – 13, 26, 40 и т. д. Некоторые из этих правил не дописаны до конца, а даны как бы в усеченном виде (например, апостольские правила 34 и 41).

Другая, незначительная часть правил помещена в Мериле Праведном и Новгородской кормчей в сокращенном виде, как и в кирилловских кормчих: правила Карфагенского собора – 63, 68, 101, 103, 107; правила 6-го собора – 77, 83, 86, 87, 88; правила Василия Великого – 31, 33, 42, 52 и др. Характерно и то, что как в Мериле Праведном, так и в Новгородской кормчей нумерация упомянутых сокращенных правил Карфагенского собора отличается от нумерации текстуально совпадающих с ними правил Рязанской кормчей. В ней эти правила выступают под номерами 67, 62, 102, 104, 108. Толкования ко всем каноническим правилам в Мериле Праведном и Новгородской кормчей даны по редакции кирилловских списков кормчей [11].

Особую текстовую близость в Мериле и Новгородской кормчей обнаруживает Собрание в 87 правилах **Отъ книгъ бж(с)твеныхъ повелѣнии бж(с)твеныа кончины ц(с)ра иоустиньана**. В обоих памятниках текст, по свидетельству И.И. Срезневского, представляет соединение двух списков: «Большая часть его, главы 1–61 (и 86-я глава. – Г.Н.) здесь помещены в том же переводе, как и в Ефремовской кормчей, а главы 62–87 сходно с Рязанскою» [12, с. 97]. Мало того, и там и здесь повторяются не только разночтения, но и явные ошибки. Например: **и повелѣкъть хотъщага гостиньники или нищекърмильца** (Ефр.крм., л. 295) – **повелѣвакъть истиньники (истиньники – Новг.крм.) хотъщага или нищекормьца** (Мер.Пр., 151; то же в Новг.крм. [12, с. 80–81]); **хранити къ симъ** (Ефр.крм., 294 об.) – **хранити скимъ** (Мер.Пр., 150 об.; то же в Новг.крм.) и др. [13, с. 81].

Приведем другие разночтения Новгородской кормчей и Мерила Праведного со списком Собрания в 87 главах Ефремовской кормчей. Некоторые из этих разночтений меняют смысл высказывания. Здесь мы не исключаем элемента сознательной правки текста, вызванного не столько лингвистической, сколько экстралингвистической причиной.

Ср.: *прѣданок кмоу житик* (Ефр.крм., л. 288) – *поданѡк* (поданное – Новг. крм.) *кму житык* (Мер.Пр., л. 143); *ап(с)ли и стии оци* (Ефр.крм., л. 288) – *ап(с)ли стии ѡци* (Мер.Пр., л. 143; в Новг.крм. тоже пропущен союз); *свободитъса полоучениа* (Ефр.крм., л. 288 об.) – *свободитъ(са) ѡлучениа* (Мер.Пр., л. 143; то же в Новг.крм.); *патриархъ того строкниа подобноумоу образоу вещь да осоудитъ* (Ефр.крм., л. 302 об.) – *патриарха того строкнык по(д)вномоу образу вещь да судитъ* (Мер.Пр., л. 157 об; то же в Новг.крм.) и др.

Конечно, есть расхождения и между Новгородской кормчей и Мерилом Праведным. Но они вызваны, как правило, или явными ошибками в кормчей (например, *крщеньныхъ* в Новг.крм. вместо *сщныхъ* в Мериле и Ефр.крм. – правило первое), или фонетическими расхождениями типа *сущомъ* (13-е правило) или *непостыжимо* (2-е правило) в Новг.крм. вместо *сущемъ* или *непостижимо* в Ефр.кр. и Мер.Пр.).

Все сказанное свидетельствует об общем протографе Сборника Юстиниана в Новгородской кормчей 1280 года и Мериле Праведном середины XIV в., написанном во Владимиро-Суздальской земле. Учитывая хронологию памятников, можно заключить, что этот протограф пришел в Низовье из Новгородской земли.

Завершая повествование, считаем необходимым еще раз подчеркнуть важность создания такого вспомогательного научного направления языкознания, как лингвистическое источниковедение, задачами которого будут не только каталогизирование разного типа источников лингвистической информации, но и критическая оценка их и рекомендации по возможности использования этих источников в тех или иных исследованиях по языку.

Работа выполнена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» Федерального агентства по образованию РФ (проект № 2.2.1.1/6944).

Summary

G.A. Nikolaev. Linguistic Source Study. To the Problem Definition.

The article proves the idea of creation of a new branch in linguistics – linguistic source study. Special attention is paid to the source study of investigations of the modern Russian language. Some doubts are expressed concerning the use of extracts from literary texts as linguistic illustrations without special reservations. The typology of the written sources on the history of the Russian language based on their genre-stylistic features and a place of creation is given. The importance of the written sources of Ancient Novgorod for the history of Russian is discussed.

Key words: linguistics, history of language, modern language, sources.

Источники

Ефр.крм. – Ефремовская кормчая XII в. – ГИМ (Государственный исторический музей). Син. (Синодальное хранение). № 237.

Мер.Пр. – Мерило праведное XIV в. – Российская государственная библиотека. Ф. 304 (Троицкое собрание). № 15.

Новг.крм. – Новгородская кормчая 1282 г. – ГИМ. Син. № 132.

Литература

1. *Гвоздев А.Н.* Современный русский язык: в 2 т. – М.: Просвещение, 1973. – Т. 1. – 432 с.
2. Лингвистические источники: Фонды Института русского языка. – М.: Наука, 1967. – 320 с.
3. Исследования по лингвистическому источниковедению. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 200 с.
4. Исследования источников по истории русского языка и письменности. – М.: Наука, 1966. – 296 с.
5. Изучение русского языка и источниковедение. – М.: Наука, 1969. – 260 с.
6. *Марков В.М.* К истории редуцированных гласных в русском языке. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. – 280 с.
7. *Марков В.М., Еселевич И.Э.* О языке Синодального и Комиссионного списков I Новгородской летописи // Вопросы истории, филологии и педагогики. – Казань, 1967. – Вып. 2. – С. 129–136.
8. *Николаев Г.А.* Феномен суффикса -щик (-чик) в истории русского словообразования // Рус. язык в школе. – 2002. – № 3. – С. 79–82.
9. *Николаев Г.А., Николаева А.В.* Древненовгородское слово почъта и его славянские соответствия // Русская и сопоставительная филология: Системно-функциональный аспект. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – С. 92–95.
10. *Павлов А.С.* Первоначальный славяно-русский Номоканон. – Казань: Унив. тип., 1869. – 100 с.
11. *Павлов А.С.* «Книги законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные и судебные. – СПб: Тип. Имп. Акад. наук., 1885. – 92 с.
12. *Срезневский И.И.* Обзорение древних русских списков кормчей книги // Сб. Отд. русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб, 1897. – Т. LXV, № 2. – С. 1–210.
13. *Николаев Г.А.* «Мерило Праведное» (Заметки о составе памятника) // Православный собеседник: Альманах Казанской Духовной Семинарии. – Казань: Казан. Духов. Семинария, 2007. – Вып. 1(14). – С. 74–83.

Поступила в редакцию
07.04.10

Николаев Геннадий Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и языкознания Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: gnikolaevksu@mail.ru